

го из практики. Его выводы учитывают все богатство накопленного опыта. Бережное отношение к оригиналу имело то положительное значение, что, «освобождаясь от сковывающего влияния подлинника, советская переводческая школа не шла по пути вольных переводов-переложений». С другой стороны, художественная точность должна учитывать особенности национальной литературы. Игнорировать их — значит иссушить, обескровить перевод. Диалектика переводческого искусства раскрыта в книге Л. Мкртчяна и на практике и в теории. В этом ее достоинство.

Л. Мкртчян кончает свою книгу литературным портретом поэтессы В. Звягинцевой — истинного переводчика, настоящего друга армянской поэзии. Нить преемственности не обрывается. Вслед за Брюсовым и Блоком, вслед за Н. Тихоновым, Н. Заболоцким, Б. Пастернаком, С. Шервинским, В. Звягинцевой идет молодое поколение. Благоднейшая традиция продолжается и крепнет. Молодые писатели и переводчики должны знать богатейший опыт прошлого. В этом смысл нужной, интересной и взволнованной книги Л. Мкртчяна.

Л. АРУТЮНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПЕТРАШЕВЦАХ*

Книга Т. Усакиной, талантливой литературоведа, ушедшего из жизни в самом начале творческого пути, является итогом серьезного изучения общественно-литературных исканий 40-х годов. Впервые после работ В. Семевского и П. Сакулина движение петрашевцев рассматривается как литературно-общественное направление, оказавшее глубокое и разностороннее влияние на литературный процесс середины века.

Книга состоит из пяти самостоятельных глав. Последовательно, в органическом синтезе анализирует Т. Усакина социальные, философские и литературно-теоретические воззрения петрашевцев, Белинского, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского. Отличное знание материала,

умение видеть истоки явления и его историческую перспективу обусловили цельность и оригинальность авторской концепции. В работе пересматривается ряд традиционных точек зрения и намечаются новые аспекты изучения многих историко-литературных проблем (петрашевцы и натуральная школа, петрашевцы и Л. Толстой, Белинский и Герцен в 40-е годы, Герцен и Салтыков-Щедрин, Валериан Майков и Чернышевский и т. д.).

В числе писателей, нравственно-философские искания которых были близки к исканиям петрашевцев, Т. Усакина называет Л. Толстого. Вопрос этот, в свое время поставленный Б. Эйхенбаумом¹, чрезвычайно важен для уяснения проблематики

* Т. Усакина, Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века, Изд. Саратовского университета, 1965, 160 стр.

¹ Б. М. Эйхенбаум, 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого, «Русская литература», 1959, № 4.

всего творчества писателя. Исследование темы разворачивается в книге в нескольких направлениях: с одной стороны, по пути поисков фактического материала, свидетельствующего о знакомстве Толстого с передовыми теориями, которыми жила тогда вся мыслящая Россия, с другой — по пути анализа нравственно-философских исканий Толстого и петрашевцев. На материале дневника и философских набросков молодого Толстого Т. Усакина показывает, что его поиски нравственно-идеальных начал, рассуждения писателя о природе человека, о философии как науке жизни находятся в русле размышлений петрашевцев. Одновременно автор книги сопоставляет литературно-теоретические принципы Толстого и петрашевцев. Метод самоанализа, возведенный писателем в важнейший эстетический принцип, является способом выявления истинных побуждений человеческой природы, скрытых ложной общественной моралью. И это тесно сопрягается со стремлением петрашевцев искать в мыслях, поступках человека, в движении его души «прекрасные побуждения природы, не согласующиеся с действительностью и искусственностью общественных отношений». Призыв А. Беклемишева «анализировать человека», убеждение М. Петрашевского в том, что *«любимым миром для воображения поэта должен стать внутренний мир человека»*, были связаны с их философией построения свободной личности. Так психологический анализ у Толстого и призыв петрашевцев «подвергнуть анализу все» соприкасались в своих истоках. Поскольку раскрытие подлинной сущности человека утверждается в качестве главной задачи психологического анализа, выяснение этой общности чрезвычайно важно. Под этим углом зрения рас-

сматривается Т. Усакиной оценка Чернышевским метода психологического анализа вообще и толстовской «диалектики души» в частности.

Представляется, однако, что при сравнении нравственно-философских воззрений петрашевцев и Толстого следует учитывать результаты исканий просветительской мысли, воспринятые в определенной идейно-исторической традиции не только петрашевцами, но и Толстым.

Большое место уделено в работе сравнительному анализу литературно-теоретических взглядов петрашевцев и программы писателей натуральной школы. Автор убедительно показывает несостоятельность попыток прямого сближения их позиций. И тем и другим были свойственны демократические тенденции, гуманистический пафос, реализм в изображении действительности. Однако метафизическая ограниченность петрашевцев в решении вопроса об историческом и духовном прогрессе во многом обусловила их представление о задачах литературы и искусства и явилась причиной серьезных расхождений с программой Белинского. Так, отношение к национальному (общественному) как источнику, мешающему «развитию всего хорошего, что заложено в человеческой природе», и противопоставление ему общечеловеческого (естественного, природного) определило одностороннюю трактовку петрашевцами творчества Гоголя и Кольцова как выразителей общечеловеческого. Этим объясняется и требование петрашевцев дополнить критическое изображение действительности утверждением положительного идеала, с которым они связывали мысль о «богоподобном человеке» — носителе только общечеловеческого. Пренебрежительному отношению петрашевцев к народности Белинский про-

тивопоставил социально-историческое понимание человека, оценив творчество Гоголя и Кольцова с точки зрения диалектического единства национального и общечеловеческого. Отстаивая критическое направление как основное на данном историческом этапе, Белинский раскрыл природу комического как сложного единства «жизненности» и «идеальности».

В свете дальнейшего развития реалистического метода рассматривается автором книги вопрос о соотношении художественной и научной форм познания действительности. Сближение этих форм обусловило природу психологического анализа, за который ратовали петрашевцы. Их требование «беспристрастного», «бестрепетного» анализа человеческой жизни противостояло концепции «поэтического анализа» общественной жизни, отстаиваемой Белинским. С этим же было связано и определение задач беллетристики. Петрашевцы оправдывали обилие «логических приемов» и «элементов дидактики» в беллетристическом произведении, Белинский же сближал беллетристику с настоящим искусством и ставил вопрос о «поэтической» переработке науки.

Вопрос о воздействии Герцена на петрашевцев Т. Усакина рассматривает не только в историко-философском плане, как это было принято до сих пор, но и в литературном. Апология Герценом природы, его вера в силу и действенность знания, потенциальную доброту и гуманность человека, столь близкие воззрениям петрашевцев, определили философскую проблематику «Записок одного молодого человека», защищавших свободу «живой индивидуальности» от каких бы то ни было теоретических построений, реабилитировавших чувственную личность. В одни и те же го-

ды Герцен в повести «Доктор Крупов» разоблачал гоббсовскую теорию потенциального безумия, а петрашевцы выступили против мальтузианской философии. Герцен отстаивал мысль о нравственном богатстве человека в его естественном состоянии, обличал «безумие» гражданских отношений в обществе, основанном на несправедливости. Понимая социализм как «стремление к гармонии, заложенное в самой природе человека», петрашевцы также разоблачали в это время ложность мальтузианского «противоречия между требованиями разума и влечениями инстинкта». Позиции Герцена и петрашевцев Т. Усакина сопоставляет с социально-философскими взглядами Белинского, что не только способствует выяснению генезиса идеологии петрашевцев (в частности, роль философии Фейербаха в ее интерпретации Герценом), но помогает понять причины «некоторых расхождений или тенденций к ним» во взглядах Белинского и Герцена, обнаружившихся в 40-е годы.

Литературным исканиям петрашевцев, видевших основную задачу «настоящей» беллетристики в пропаганде научных знаний, отвечала и философичность прозы Герцена, обусловившая ее поэтику, и именно Валериану Майкову принадлежат слова: «Беллетрист в истинном смысле слова, протей между беллетристами, у нас один: это — автор романа «Кто виноват?»».

Чрезвычайно современны те страницы работы Т. Усакиной, где речь идет о литературно-критических принципах петрашевцев с их требованиями постичь задачи новой эпохи, крупно и самостоятельно осмыслить мир, быть во всеоружии последнего слова науки. Способность проникнуть в образную стихию художника и умение передать причины и суть его

нравственных исканий, чтобы помочь читателю познать самого себя, по мнению петрашевцев,— решающее начало какой бы то ни было критической деятельности.

Проблемность, широта охвата материала, самостоятельная интерпретация сложнейших вопросов истории

и теории литературы делают книгу Т. Усакиной значительным событием в изучении вклада петрашевцев в русское литературно-художественное сознание. Следует пожелать, чтобы отдельным изданием вышли в свет также и другие работы безвременно скончавшегося молодого ученого.

Г. ГАЛАГАН

г. Ленинград

НОВЫЕ УСПЕХИ ГЕРМАНИСТИКИ*

Большой коллектив советских германистов продолжает работу по созданию пятитомной «Истории немецкой литературы». В нынешнем году вышел в свет третий том этого издания.

Новая книга пятитомника охватывает развитие литературы одного из интереснейших периодов истории: 1790—1848 годы. Это время от Великой французской революции до европейских революций конца 40-х годов прошлого века, период от Гегеля до Маркса и Энгельса, от Гёте до Гейне. Центральными для большинства материалов тома, естественно, оказываются проблемы связи литературы с освободительным движением, ее участия в борьбе за единство Германии. Социально-историческая проблематика, исследуемая в этом труде, обладает определенным современным значением,— ведь и в условиях современной Германии звучат эти проблемы, решаемые в ГДР по-новому, с социалистических позиций.

Чрезвычайно важными для науки являются многие вопросы, рассматри-

ваемые в новой книге. Это и диалектика романтизма и реализма в немецкой литературе первой половины прошлого столетия, и дифференциация в среде писателей-романтиков, и процесс формирования и развития критического реализма, и первые проявления социалистической идеологии в творчестве некоторых немецких писателей.

План книги продуман серьезно и в основном воплощен удачно. В третьем томе, как и в предыдущих книгах, хорошо сочетаются обзорно-проблемные главы с главами монографическими, большинство которых посвящено художникам первостепенного значения: Гейне, Гёльдерлину, Бюхнеру, Клейсту, Гофману, Шамиссо, Веерту. Авторы статей стремились учесть богатый опыт своих предшественников, использовать труды немецких ученых прошлого и современности, сочинения классиков русской научной мысли от Белинского и Герцена до Луначарского, исследования советских германистов, созданные за сорок с лишним лет.

В книге есть авторы, которыми разработаны целые группы или цик-

* «История немецкой литературы», т. 3, «Наука», М. 1966, 586 стр.